

О Люциусе Малфое — человеке столь же знаменитом, сколь и противоречивом — можно было рассказывать три дня и три ночи напролет. Но вовсе не его красота, способная погубить целые народы, и даже не статус первого среди «печально известных» Пожирателей Смерти, полученный едва ли не сразу после выпуска, составляли его главную славу. Настоящим чудом считалось то, как в свои пятнадцать лет он заставил некогда угасающий, едва сводящий концы с концами род Малфоев в одночасье взлететь на вершину магического мира, возглавив аристократию. По сей день этот невероятный триумф оставался излюбленной темой для светских сплетен, но никто — абсолютно никто — не ведал, как юному Люциусу удалось то, в чем потерпели крах все его предшественники.

Однако сейчас этот грозный глава семьи, легендарный негодник и живой миф сидел в своем кабинете и, уставившись в письмо, горестно вздыхал. Он и не подозревал, что он с капризно надутыми губами казался мужчине, развалившемуся в шезлонге у панорамного окна, чертовски милым. Короткие жалобы Люциуса лишь вызывали у того тихий смех.

— И что тут смешного? Ничего смешного нет!

— Какую же невыполнимую задачу на этот раз поставил перед тобой Дамблдор, раз сам великий Люциус Малфой впал в такое уныние?

Низкий, бархатный голос заполнил пространство небольшого кабинета. Он с затаенной усмешкой следил алыми, как свежая кровь, глазами за тем, как человек на диване изливает ярость на несчастный лист пергамента.

— Сам посмотри.

Люциус с раздражением швырнул письмо в руки собеседнику и забился в угол дивана, обиженно дуюсь. Если бы этот старый интриган не пригрозил выставить их тайную связь на всеобщее обозрение, Малфой в жизни не позволил бы втянуть себя в эти дрызги.

— Ну, разве это такая уж беда? Полно тебе, не кисни, — мужчина с улыбкой поднялся с шезлонга, присел рядом и, обняв раздосадованного Люциуса за плечи, принялся нежно его успокаивать.

— Тебе легко говорить. Думаешь, я не знаю о твоих делишках с этим стариканом? — в голосе Люциуса было столько яда и ревности, что посторонний человек в комнате наверняка задохнулся бы.

— О? И что же ты знаешь? — голос мужчины внезапно похолодел.

Он прищурился, глядя на своего любовника. Том не думал, что Люциус действительно ревнует — он не считал Малфоя настолько лишенным вкуса, чтобы променять его, признанного красавца, на старого любителя лимонных долек. Его беспокоило другое: как именно Люциус пронюхал об их совместном с Альбусом плане.

— Я...

Люциус вдруг занервничал. Ледяной взгляд мужчины заставил его почувствовать себя так, словно он оказался на Северном полюсе и всё его тело сковало льдом. Хотя этот человек не был столь жесток, как твердили слухи, и хотя Люциус был его избранником вот уже почти тридцать лет, он прекрасно знал, какой подозрительностью страдает величайший темный маг в истории. «Меньше знаешь — крепче спишь, а больше знаешь — быстрее в гроб сойдешь» — старая истина, которую Люциус сейчас осознал в полной мере. Он горько усмехнулся про себя. Кажется, завтрашний день станет годовщиной его смерти. И надо же было так сглупить: прожить жизнь мудрецом и в конце концов дернуть тигра за усы!

— Что же ты замолчал? — мужчина скользнул рукой по золотистым волосам Люциуса к его белоснежной шее и слегка сжал ее, заставив Малфоя вздрогнуть. — Выкладывай всё как есть, и, быть может, я тебя не накажу.

Люциус опустил голову и замер. Он выглядел как само воплощение почтения, но внутри него бушевал ураган проклятий:

«Мерзавец! Покойник! Ишь, распетушился! Тебе еще хватает наглости мне угрожать? Если бы ты, козел плешивый, не переспал со мной, а потом не сделал вид, что ничего не было, пошел бы я в "Три метлы" заливать горе вином? Если бы не напился, разве встретил бы я там Дамблдора? Если бы не был в таком раздрае, разве старый лис смог бы вытянуть из меня признание и схватить за жабры, заставив помогать в вашем идиотском плане? Хм!»

— Если хочешь что-то сказать — говори в лицо, нечего проклипать меня про себя.

Люциус был готов вlepить себе пощечину. Без пяти минут сорок лет, а совершает детские ошибки. Перед ним ведь сидел величайший мастер легилименции, способный незаметно проникать в чужое сознание. Наверняка он уже считал каждую его мысль.

— Старик тебе всё рассказал?

— Лишь ту часть, где требуется моя помощь.

— О, тогда всё ясно. А я-то гадал, почему после нашей первой ночи этот старый хрыч при каждой встрече улыбался так... непристойно. Я грешным делом подумал, что он на меня глаз положил.

— Говорят, Малфои самовлюбленны до безумия, но тебе стоит взглянуть на себя в зеркало. Столько лет прожил, а нести подобную чепуху тебе не стыдно.

Люциус закатил глаза, глядя на хихикающего рядом мужчину. Ему безумно хотелось запечатлеть это идиотское лицо на колдофото и продать его в «Ежедневный пророк». Пусть бы

весь магический мир поглядел, во что превратился великий и ужасный Темный Лорд — в смешливого дурачка. Он покачал головой, высвободился из объятий и сел за письменный стол. Взяв перо, он принялся за ответ Хогвартсу, подтверждая, что прибудет точно в срок.

— Почему вы тогда выбрали именно ребенка Поттеров? — этот вопрос давно терзал Люциуса.

— Могу сказать: Поттер меня бесил.

Волдеморт холодно хмыкнул. Вообще-то этот план родился во время пьянки с Дамблдором и изначально задумывался как шутка. Кто в здравом уме станет развязывать войну ради развлечения в мирное время? Но винить стоило Джеймса Поттера — этот наглец пытался усидеть на двух стульях: преследовал Лили Эванс и при этом никак не отпускал Люциуса. Видя, как его любимый страдает и тает на глазах, даже такой холодный человек, как Том Риддл, не смог остаться равнодушным.

— Драко влюбился в Гарри Поттера, — негромко произнес Люциус, откинувшись на спинку кресла. — Об этом говорят Дамблдор, Северус и Сириус. Даже Артур с Молли и те заметили.

— В вашем поместье явно плохой фэншуй: каждое поколение вас тянет к Поттерам, — Волдеморт вытянул свои длинные ноги. — Впрочем, Драко с детства был смышленным малым. Он знает, чего хочет, и не станет вести себя так глупо, как ты когда-то.

— Знаю.

Он молча смотрел на мужчину, развалившегося на диване. Если бы он не встретил его тогда, в момент полного отчаяния, его бы, вероятно, уже не было в живых. Кто бы мог подумать, что блестящий наследник рода Малфой, богач и повеса, в сердце которого, казалось, не было места для глубоких чувств, так безнадежно увязнет в любви к Джеймсу Поттеру? Вспоминать те годы было неловко — сплошные детские капризы, слезы и попытки самоубийства из-за любого пустяка. Позор, да и только. А ведь Джеймс никогда не говорил ему «люблю». Он всегда считал Люциуса другом, братом, но тот упрямо верил, что за этим скрывается нечто большее. Только когда факты больно ударили по лицу, пришло осознание собственной глупости. Как говорил Северус: в то время у Люциуса не было ни ума, ни сердца — типичный Гриффиндор в худшем проявлении.

— Не вороши прошлое.

— Просто я был таким дураком.

Только перед этим человеком Люциус мог сорвать маску и быть самим собой.

— В юности мы все бываем дураками.

— Неужели и великий Волдеморт совершал глупости?

— Ха!

Вместо ответа красноглазый мужчина поднялся, подошел к Люциусу, подхватил его на руки и, пинком открыв дверь кабинета, направился в сторону спальни.

— Ты что творишь?

— Собираюсь на практике ответить на твой вопрос о том, когда я совершаю глупости.

— А-а-а! Мерзавец! Отпусти меня, мне завтра в Хогвартс... м-м-м...

<http://bllate.org/book/17513/1657133>